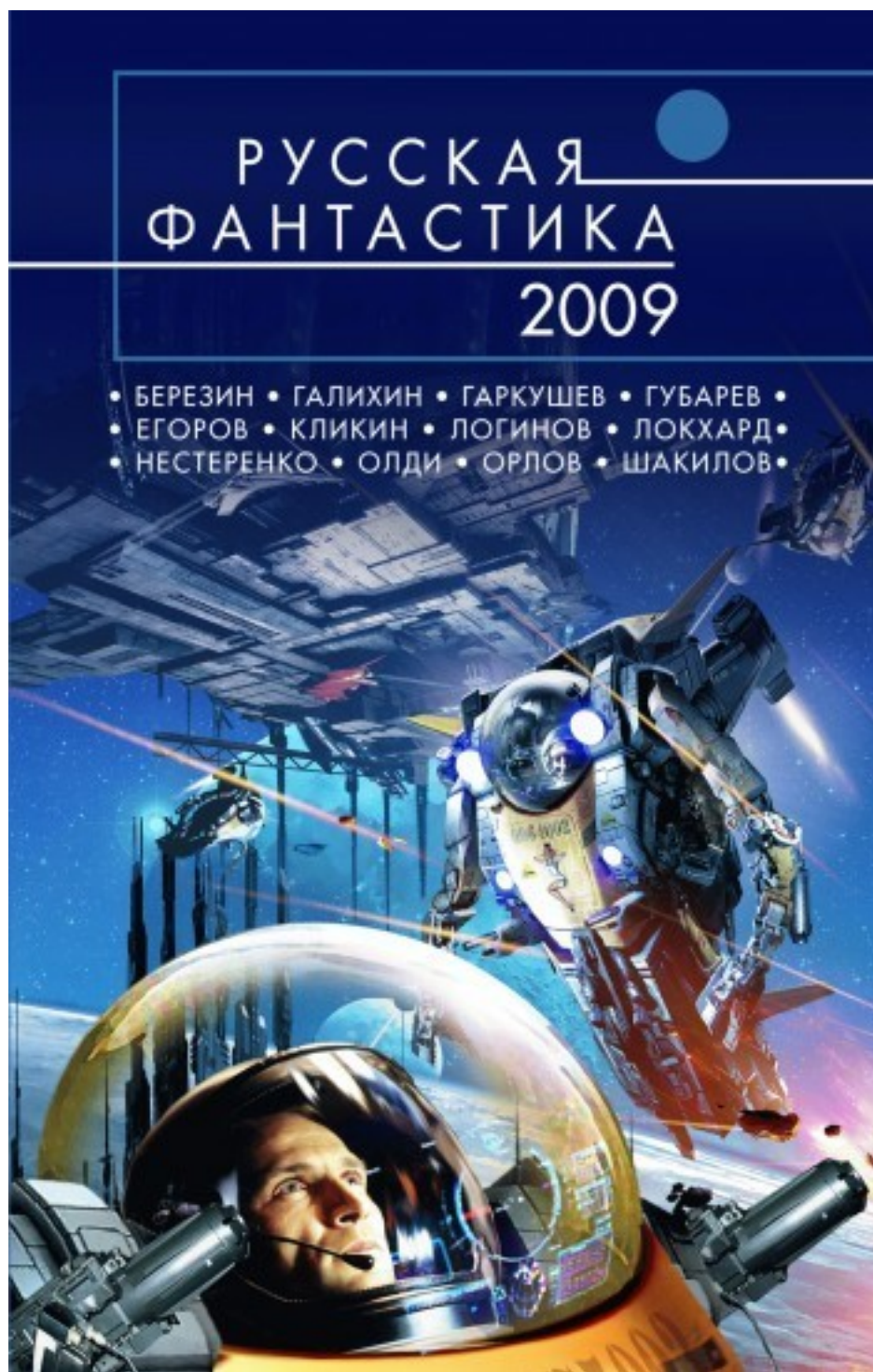

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА 2009

• БЕРЕЗИН • ГАЛИХИН • ГАРКУШЕВ • ГУБАРЕВ •
• ЕГОРОВ • КЛИКИН • ЛОГИНОВ • ЛОКХАРД •
• НЕСТЕРЕНКО • ОЛДИ • ОРЛОВ • ШАКИЛОВ •

Святослав Логинов

Одиночка

«Автор»

Логинов С. В.

Одиночка / С. В. Логинов — «Автор»,

© Логинов С. В.

© Автор

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Святослав Логинов

Одиночка

* * *

Комната, большая, светлая... Распахнутое окно прикрыто занавесками. Это хорошо, что в окне ничего не видно, только солнечный свет просачивается сквозь белый тюль. Вряд ли оттуда следует ожидать нападения. В комнате порядок, совсем как при ознакомительном визите. Только на столе стоит тарелка с недоеденным супом.

Во время ознакомительного визита Игнат представлялся санитаром, что в принципе недалеко от истины. Стоял с чемоданчиком в руках, рассеянно оглядывал комнату. Подал пальто старенькой докторше Рине Иосифовне, попытался поухаживать и за хозяйкой, но та шарахнулась как от зачумленного. Игнат тогда решил, что прокололся, но нет, в больнице, освоившись в палате и беседуя с Риной Иосифовной, пациентка не вспомнила подозрительного санитаря. Значит, она шарахается таким манером от каждого встречного. Случай запущенный, но не безнадежный.

Неприятно, что Игнат попал именно сюда; значит – бытовуха. Такие дела либо распутываются всего проще, либо не распутываются вовсе. И до последней минуты не знаешь, пустышка тебе выпала или глухарь.

Игнат осторожно понюхал тарелку. Нормально пахнет, картофельный суп с фрикадельками. На поверхности пятнышки жира, на дне морковные кругляшки, аккуратно нарезанная картошечка, пара фрикаделек, явно самодельных – в фарш добавлен мелко порезанный укроп. По всему видать, хозяйка – повариха превосходная. У таких суп безопасен.

А вот это уже серьезно – у самой двери на полу валяется неумело выстроганная деревянная сабля. Такие вещи случайными не бывают, особенно у немолодых, одиноких, бездетных женщин. Честное слово, лучше бы там лежал настоящий клинок, отбалансированный и убийственно острый.

Игнат вскинул самострел и шагнул в коридор. Обои в желтый цветочек, под ногами половая доска, выкрашенная багрово-коричневой масляной краской. Ох, как давно не приходилось видеть таких примет! Собственно говоря, подобный интерьер ушел в прошлое лет пятьдесят назад и сохраняется разве что в провинции, где люди до сих пор прозябают в барачных общежитиях коридорного типа.

Как и полагается, в коридоре царил смутный полумрак, лишь отдельные предметы бросались в глаза ярко и отчетливо. Обшарпанный велосипед, висящий на вбитых под самым потолком штырях, – весной его снимут, а место под потолком займут лыжи, которые сейчас небось стоят возле входной двери. Интерьерчик конца пятидесятых – начала шестидесятых годов, а возможно, и более ранний. Сегодня такое только в кино встретишь... И, конечно, Игнату частенько приходилось бывать в подобных коммуналках. Ему еще и не в таких местах бывать приходилось.

Куда теперь? Пройтись по соседям или сразу во двор? А там? Подвалы, чердаки, темные закоулки между гаражей, воняющие кислятиной помойки... Все это не столь опасно, сколь противно. Хотя и опасно тоже.

Игнат резко обернулся, вскинул самострел... Никого. А на какое-то мгновение почудилось, будто по коридору несется серый комок – хищный обитатель подозрительно пустой квартиры, а быть может, этим комком кто-то пульнул из-за угла. И неважно, что минуту назад никакого угла не было, коридор кончался, словно обрезанный ножом. Минуту назад не было, а сейчас вполне может быть.

Коридор был пуст, только в торце, где прежде не удалось ничего рассмотреть, обозначились дверь и латунный выключатель на стене. В самых первых электрифицированных домах висели на стенах подобные механизмы. Гетинакс еще не был изобретен, и корпуса выключателей делали из латуни. Как ни странно, это был очень надежный механизм, хотя, казалось бы, всякого желающего включить свет он должен бить током. Интересно, ловушка или нет?

Подождал, концом самострела повернул выключатель. Разряда не было, механизм работал как новенький.

За дверь, как и следовало ожидать, оказался туалет, такой же древний, как и вся квартира, с бачком, вознесенным под самый потолок.

Игнат покачал головой. Ему не нравилась тщательная проработка деталей, фактура стен и дверей, велосипедный руль, обмотанный бечевкой, четко означенный колер пола. Куда как проще было бы, если бы вокруг была серая невнятица, обрывки сцен и разговоров вперемешку с чудовищами и гадами, лезущими неизвестно откуда. А тут видны потеки старой краски на стене, и пятно в виде тигриной головы, и даже слышен чуть заметный запах хлорки (не было в продаже во времена подобных квартир ни дезодорантов с цветочным запахом, ни даже хлорамина!). Ай да хозяйшка, этакий заповедник хранить!.. Киношники бы за такое двумя руками ухватились, если бы здесь можно было безопасно снимать.

А сортир всего подробнее проработан – дедушка Фрейд был бы доволен. Фиксация на анальной стадии... Эх, если бы все было так просто, как полагал дедушка Фрейд!

Вокруг что-то ощутимо изменилось. Не было ни шороха, ни подозрительного сквозняка, вообще ничего, но Игнат ясно понял, что события начались и оно, скорее всего, уже здесь. Теперь главное – не вспугнуть и не спровоцировать нападение. Хороший боец не тот, кто первым стреляет, а кто побеждает без пальбы.

Медленно, словно нехотя Игнат повернулся. Сзади стоял мальчик. Белобрысый парнишка, стриженный под челочку. Сейчас такой прически никто и не помнит: вся башка оболванена под машинку, лишь надо лбом оставлен короткий чубчик. И одет мальчишка по моде пятидесятых: рубашка в полоску, широкие штаны чуть ниже колен, держатся на помочах... на ногах – сандалики и гольфы. А ведь верно, носили гольфы в ту далекую эпоху! И загадка была: «У мальчиков и у девочек наблюдается, на „г“ начинается». Ответ: «гольфы». Дедушка Фрейд был бы доволен.

– Здравствуй, – сказал Игнат.

– Здравствуйте, – отозвался мальчишка.

– Тебя как зовут?

Обычно с такого рода явлениями можно разговаривать до бесконечности, задавая стандартные, ничего не значащие вопросы и получая столь же содержательные ответы, из которых тем не менее можно вычленишь полезную информацию. Впрочем, расслабляться во время разговора не стоит: нечаянно заденешь болевую точку, и реакция окажется столь неадекватной, что только голову пригибай. Но на этот раз ответа не последовало, мальчишка бочком протиснулся мимо Игната и притворил за собой дверь уборной.

Тоже стандартный ход – дети очень быстро выясняют, что в туалет за ними никто не пойдет и, значит, там они в безопасности. Инстинкт этот сохраняется даже у взрослых; следовательно знают, что, когда вооруженный маньяк врывается в квартиру, жертва ищет спасения, как правило, в туалете, хотя и понимает, что хлипкая защелка не задержит убийцу ни на секунду. Интересно, что сказал бы по этому поводу дедушка Фрейд?

Мальчишка, значит, не монстр, а фантом. Или это сама хозяйка? Тогда он влип основательно – если старушка идентифицирует себя с семилетним пацаном, то все реакции будут нестандартными, и дело, скорей всего, окажется безнадежно глухим.

Впрочем, сабля на полу была деревянной. Если бы хозяйка была мальчишкой, саблю она бы сделала стальной.

А хорош бы он был, если бы, не разобравшись, пальнул в ребенка! После такого можно сразу уходить с работы и оформлять инвалидность. Или вешаться, что не сильно отличается от пенсии по инвалидности.

Стоять возле запертой двери можно было до бесконечности. Игнат пожал плечами и двинулся назад по коридору. Пройдя несколько шагов, остановился.

А вот тут прокол... мальчишка одет по-летнему: сандалии, короткие штаны, а велосипед висит на стене, хотя что ему там делать летом? Игнат оглядел стену: велосипеда не было, на вбитых штырях умещались две пары лыж. Вот так, теперь все правильно... А хозяйшка где-то поблизости, мелькнула придушенная мысль, корректирует окружающее по мере выявления несостыковок. Очень плохо... лучше бы она была полностью беспомощна и воспринимала меня как спасителя. А то ведь незваный гость хуже родного монстра.

Двери городской квартиры выходили не на лестницу, а сразу во двор: наполовину городской, наполовину деревенский, нечто вроде того, что изображен на картине Поленова. Это хорошо, а то лестничные площадки – всегда самое скверное место, именно там тебя могут взять в оборот. Но, с другой стороны, лучше бы уже начались какие ни на есть события, а то хожу почти десять минут, а про окружающее так ничего и не выяснил, кроме самоочевидной вещи, что детство хозяйки приходилось на середину пятидесятых. И еще... солнце, яркие краски, ни намек на угрозу. Может быть, ошибка? Ну как это благолепие может держать в страхе несколько тысяч человек? Злые миры тоже бывают солнечными, но опытный взгляд не обманешь, свет там всегда внешний, сквозь разливы золотистых лучей непременно проступает изнаночная чернильная тьма. Если уж взялся за живописные сравнения, то можно вспомнить картину Куинджи «Березовая роща». Белые стволы, солнце, воздух, напоенный светом, – и чернота, проступающая сквозь этот свет. Говорят, прежде картина такой не была, просто художник пользовался битумными красками, которые темнеют со временем. Вот и этому миру, законсервированному на полвека, пора бы темнеть, наливаясь незримой угрозой, а он сияет себе, как ни в чем не бывало.

Посреди двора – песочница, сколоченная из крашеных досок. На краешке сидит мальчишка, тот самый, которого Игнат оставил в туалете. Не по возрасту парню куличики лепить, впрочем, он и не играет, просто сидит на краю песочницы. В руках деревянная сабля. А куличиков – полная песочница, кто только налепил... не иначе – дедушка Фрейд.

– Здравствуй, – сказал Игнат.

– Здравствуйте, – отозвался мальчишка в точности как в первый раз.

– Тебя как зовут?

Игнат ждал, что ответа не будет, однако мальчик, не подняв взгляда, ответил:

– Шурка.

Любопытно... Шурка – имя равно мужское и женское. Как же зовут хозяйку?.. Но не Шурка, это точно. Лидой ее зовут! Лидия Андреевна...

– А Лидия где?

Мальчишка посмотрел пристально и ничего не ответил.

Игнат осторожно, стараясь не поломать аккуратные кучки куличиков, присел на край песочницы.

– Ты почему, не пообедав, гулять убежал? Суп остынет.

Молчание.

Игнат покосил глазом. Мальчишки не было. Только деревянная сабля торчит посреди песочной кучи. Самый большой кулич развален надвое.

Черт, и где же здесь опасность? Похоже, что самая большая беда на этом дворе – появление Игната Шомняка с его самострелом. Но ведь не может быть, чтобы он ошибся; темная жуть гнездится именно здесь, посреди солнечного полудня.

Игнат придирчиво осмотрел двор. Где тут может скраться опасность? Дом, из которого он вышел, – городской, до второго этажа облицован серыми осколками гранита, а выше – обычная старая штукатурка. Единственная парадная – там он только что был и не видел ничего нехорошего. Может быть – проблема возвращения? Выбежала Лида из светлой безопасной комнаты на солнечную улицу, в поленовский дворик, а назад – хода нет, объявилась темная лестница со всеми прелестями, что водятся в таких местах... Но тогда что-то должно гнать домой, а вокруг ни малейшего признака беды. Впрочем, от поленовского дворика остались только трава и дорожка, ведущая к двухэтажным дровяным сараям.

Как там в анекдоте?... «Явный псих! – Но какая память!» Тем, кому меньше пятидесяти, подобные штучки не представить, а в первой половине двадцатого века дровяные сараи в центре большого города были самым обычным делом. Многоэтажный дом, полсотни коммунальных квартир, в каждой живет от четырех до шести семей. Отопление печное, газ – то ли проведен, то ли еще нет. Скорей всего, нет. А это значит, на кухне кроме огромной дровяной плиты еще и несколько керогазов, керосинок или шумящих медных примусов.

Портит людям аппетит
Гарь от керосина.
Если примус твой коптит,
Значит, ты скотина!

Поэт хорошо знал, о чем пишет. А вот Игнат, пожалуй, зря не заглянул на кухню, прежде чем выходить на улицу. Не исключено, что улица олицетворяет свободу, место, где тебя никто не догонит, а ужас как раз обитает на кухне.

Хорошо, когда квартира дружная. Тогда перед праздниками топится плита, на которой варится студень, а в огромной духовке пекутся пироги разом на всех соседей. А если это не квартира, а недоброй памяти Воронья Слободка? Тогда каждый ковыряется на своей керосинке, а с печами положение и вовсе безвыходное. Три круглые голландки на шесть комнат и коридор. Печь топится со стороны одной из комнат, а обогревает еще и соседнюю комнату и кусочек коридора. Кто ее должен топить и как часто? Проблема... Но главное, где хранить дрова и керосин? На чердаке сушится белье, в сыром подвале дрова хранить не станешь, да и места там не хватит. Значит, нужен сарай, а вернее, полсотни сараев, которые надо разместить во дворе.

Сараи в два яруса лепятся вдоль глухой стены и вдоль дощатого забора, отгораживающего дом от переулка. В каждом сарае шесть поленищ колотых дров, шесть бидонов с керосином, еще какой-то скраб. Ох и раздолье для склок и выяснения отношений! Кто у кого керосина отлил, кто спер у соседа полено... А уж с точки зрения пожарной безопасности... удивительно, что город так редко горел. Хотя люди понимали, где живут, и даже местные гопники собирались тайком покурить где угодно, но не в закоулках возле сараев.

Сидеть на краю песочницы можно было долго и при этом не дожидаться ничего. Ясно, что его высчитали, видят, опасаются и просто так, нахрапом, не полезут. Самый неприятный вариант, если беда разумна. С нерассуждающим монстром, который бросается при первой же возможности, гораздо проще. Или он тебя схарчит, или ты выпустишь ему кишки. А тут – нечто разумное, значит, стрелять, не взглянув ему в лицо, никоим образом нельзя. Может быть, оно гробит людей просто оттого, что ему никто не догадался помочь... не людей гробить, конечно, а просто помочь, по-человечески.

Игнат поднялся и направился туда, где сараи, выстроенные вдоль забора, почти смыкались с сараями вдоль брандмауэра. Проехать в эту щель могла разве что инвалидская машинка, на какой в фильме Гайдая раскатывали Вицин, Никулин и Моргунов. Грузовик, на котором

привозили дрова, втиснуться туда не мог, так что дрова выгружали посреди двора, а потом перетаскивали в сараи на руках.

На дворе – трава, на траве – дрова...

В дальнем закоулке стоял Шурка и, приспустив штаны, писал на стенку сарая.

– Другого места не нашел? – спросил Игнат.

Понимал, что не стоит этого говорить, но патовую ситуацию нужно было обострять, и Игнат рискнул.

Мальчишка странно изогнулся, оборотился, открыв рот, тихонько взвизгнул и бросился под ноги Игнату, собираясь проскочить низом. Из спущенных штанов мечтой Буратино упруго торчала деревянная, дурно выстроганная сабля.

Можно было не загадывать, что случится, когда самодельный клинок ткнется Игнату в живот или ноги. Деревянные сабли ранят страшнее стальных и уж, во всяком случае, занозистей. Рука сама нажала на спуск самострела.

Недаром говорят: «Мастерство за плечами не носят, а оно всегда при себе», он и сейчас выстрелил не в мальчишку, а в деревьяху, что угрожала его жизни. Тонкая серебряная стрелка расщепила сосновую древесину, что-то хрустнуло, мальчик слабо замычал, опрокинулся набок.

Пошатнувшись, Игнат схватился рукой за стену сарая, наклонился, уже понимая, что убил ребенка. Мальчик лежал, выбросив одну руку вперед, он как бы незаметно подползал к Игнату, и вытянутая рука его была неестественно, страшно длинна. Хотя, возможно, так просто казалось оттого, что ног у Шурки не было. Короткие, обычно не достающие колен штанины пусто обвисали, пластаясь по земле. Рядом валялись какие-то щепки, стружки... их становилось все больше, казалось, сейчас стружечная пена полностью поглотит лежащее тело.

В далекие пятидесятые, когда еще не были изобретены ячеистые клетки из макулатурного картона, яйца в магазины привозили в ящиках, наполненных сосновой стружкой. Эту стружку потом жгли на задних дворах продуктовых магазинов, местные мальчишки разгребали прутиками золу, выискивая печеные яйца, которые были гораздо вкуснее сваренных матерью. Порой ненужную стружку отдавали людям на растопку или для набивки матрацев. Так что здесь все в русле времени, ничего удивительного, что возле сарая лежат покуда не прибранные стружки... и когда они скроют мертвое тело, оно обратится там в случайно забытое яйцо, из которого вылупится безногий ужас.

Игнат ухватил Шурку под мышки, потащил в сторону от множасьихся стружек, прочь из узкого грязного прохода, на солнечный двор. На дворе трава, там все должно быть кенно...

– ...правильно... – одернул себя Игнат.

– Кенно, – возразило помраченное подсознание, – или нарно.

«Как же это она меня так уела? Откуда знает?»

Мальчишка открыл мертвые глаза и внятно произнес:

– Катись колбаской по Малой Спасской!

Игнат покачнулся, упал, больно ударившись головой, и впрямь откатился немного, причем не кубарем, а именно колбасой, как и приказал безногий мертвец. Провода натянулись, электроды соскользнули с висков, так что программа аварийного возвращения немедленно вышвырнула Игната в затененную комнату лаборатории.

С полминуты Игнат царапал ногтями пол, будучи не в силах не только подняться, но и вообще сделать хоть что-нибудь. По счастью, на контроле ничего не заметили, никто не прибежал помогать. Трудно сказать, что Игнат ненавидел больше: состояние полной беспомощности в первые минуты по возвращении или услужливую готовность дежурной смены помочь. Ведь того и гляди на руках понесут. А некоторым нравится, когда с ними вот так возятся. Зиновий, говорят, по возвращении долго лежит в прострации, а дежурная смена бегают, только что горшок ночной не приносят... Хотя на то он и есть Зиновий, наша гордость и маяк.

Удивительно другое: Игнат, Зиновий – имена редкие, и такие в их профессии почти у всех. Нет, встречаются, конечно, и Александры с Николаями, но тогда фамилия у коллеги окажется такая, что не сразу выговоришь: Зацепиани или Соловей-Залетный. Шомняк, впрочем, тоже звучит как надо. Один Алешка Иванов простец, но это исключение, которое подтверждает правило.

Игнат размышлял, лежа на полу, прижавшись щекой к холодному линолеуму. Потом собрался, подтянулся на руках и втащил себя на топчан. Надо бы встать, выйти к дежурной смене, но сегодня, похоже, это не получится, так что пусть укол глюкозы делают здесь.

Нажал кнопку вызова, закрыл глаза. Чувствовал, как ему закатывают рукав, колют глюкозу. Доктор – по прикосновениям ясно, что на смене Рина Иосифовна, – быстро нащупала пульс, коснулась лба тыльной стороной ладони, проверяя, нет ли жара. Хотя откуда взяться жару? А пульс в таких случаях всегда за сотню.

– Все в порядке?

– Думаю, – ответил Игнат, не открывая глаз.

Думать – это тоже часть работы. Он туда не за приключениями ходил, и если сейчас не проанализировать увиденное, то весь поход пойдет прахом.

Что в конечном счете произошло? Фиаско он потерпел полнейшее, сама Лидия Андреевна так и не появилась, но инициатива все время была в ее руках. Причем ударила она лишь однажды, но чуть не насмерть. Вероятно, так же она действует и с остальными людьми, неподготовленными. Он искал надвигающуюся угрозу, копящийся страх, а их попросту не было. Были свет, радость, ностальгия по далекому детству... а потом – один внезапный удар, способный убить или свести с ума. Хороша старушка, ничего не скажешь. И все-таки как она это делает? Ясно, что делает неосознанно, характер у бабушки параноидальный, но сознательно мучить незнакомых людей она не станет.

Отправной точкой была комната, очень похожая на ту, в которой он побывал во время ознакомительного визита. Теперь ищем разницу... Понятно, что в настоящей комнате не было сабли. Впрочем, саблю даже расшифровывать не надо, обычный фаллический символ. А уж в последней сцене, когда она у Шурки из штанов торчала... кстати, именно тогда мальчишка стал агрессивен. Какую роль сыграл этот Шурка в юные годы Лидии Андреевны? Может быть, затащил малолетку в проход между сараями и надругался над ней? А мы теперь разгребаем последствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.